

Определение донскими казаками XIX века своего места в этнокультурном пространстве Восточной Европы

© 2025 г. А.Ю. Перетяцько

Институт социологии и регионоведения ЮФУ
(Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ArtPeretatko@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического
академического лидерства Южного федерального университета
(«Приоритет 2030»).

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструировать представление донских авторов XIX в. о месте донского казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы. Работы предшественников, характеризовавшие донское казачество с применением категорий «этнос» и «субэтнос» привели к противоречивым результатам: в то время, как наиболее авторитетные исследователи-этнографы (в частности, С.А. Токарев) относили часть донских казаков к русскому, а часть — к украинскому этносу, наиболее авторитетные историки (например, В.М. Кабузан) считали казаков субэтносом русского народа. Для того, чтобы разрешить это противоречие, специалист по казачьей этнографии М.А. Рыблова предложила исследовать место донского казачества в этнокультурном пространстве в динамике, с учетом «изменения социокультурной модели». Однако, она не вполне верно поняла специфику дискурса донских авторов и утверждала, что они считали казачество «этносословием». В статье показано, что для донских авторов XIX в. основой для самоидентификации донцов выступала принадлежность не к казачеству вообще, но к общности Донского Войска, которая не обладала чертами, свойственными этносу или субэтносу в традиционном понимании. Различными авторами по антропологическому типу, языку и характеру выделялось две или три группы донских казаков. Более того, донские авторы однозначно считали донское казачество общностью, отличавшейся от великороссов/малороссов, но при этом конструировали эту общность не через этничность, но через корпоративность, гордость историей Донского Войска, объединивших людей, различавшихся по языку, происхождению и даже вере. Язык, характер и антропологический тип, напротив, использовались для выделения различных групп внутри донского казачества, причем различия между ними подчеркивались — но не нарушали историко-корпоративного единства.

Ключевые слова: донское казачество, самоидентификация, казачий дискурс, верховые казаки, низовые казаки, этнография.

Ссылка для цитирования: Перетяцько А.Ю. Определение донскими казаками XIX века своего места в этнокультурном пространстве Восточной Европы // *Славяноведение*. 2025. № 1. С. 5–21. DOI: 10.31857/S0869544X25010019, EDN: JAOGZQ

Identification by the Don Cossacks of the 19th Century of Their Place in the Ethnocultural Space of Eastern Europe

© 2025. Artyom Yu. Peretyatko

Institute for Sociology and Regional Studies SFedU
 (Rostov-on-Don, Russian Federation)

ArtPeretatko@yandex.ru

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University («Priority 2030»).

Abstract. This article is an attempt to reconstruct how the Don authors of the 19th century imagined (defined) the place of Cossacks in the ethnocultural space of Eastern Europe. The author shows that the attempts to analyze the Don Cossacks using such categories as «ethnicity» and «subethnicity» led to contradictory results: while the most authoritative ethnographers (particularly, S.A. Tokarev) attribute part of the Don Cossacks to the Russian ethnicity and part – to the Ukrainian one, the most authoritative historians (particularly, V.M. Kabuzan) consider Cossacks a subethnicity of the Russian people. M.A. Ryblova offered a way out of this contradiction by studying the Don Cossacks as taking into account the «changing of sociocultural model». However, analyzing the Don Cossacks of the 18th–19th centuries, she did not quite understand the specificity of the Don authors, claiming that they considered Cossacks to be an «ethnosocial group». The article shows that, for Don authors of the 19th century, the basis for self-identification was not belonging to the Cossacks, but belonging to the Don Host. At the same time, the Don Host didn't possess any traits characteristic to an ethnicity or subethnicity in a traditional sense: various authors identified two or three groups of Don Cossacks differing in anthropological type, language and character. Moreover, the Don authors definitely considered the Don Cossacks a unity separate from Great Russians/Little Russians, but, at the same time, they constructed this unity not through ethnicity, but through corporatism, through their pride in history of the Don Host, which united people of different languages, origins and even faiths. Language, character and anthropological type, on the contrary, were used to distinguish different groups among the Don Cossacks, and the differences between them were emphasized – but, at the same time, didn't break the historical and corporate unity.

Keywords: Don Cossacks, self-identification, Cossack discourse, *verkhovyje* Cossacks, *nizovyje* Cossacks, ethnography.

For citation: Artyom Yu. Peretyatko. Identification by the Don Cossacks of the 19th Century of Their Place in the Ethnocultural Space of Eastern Europe // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2025. No. 1. P. 5–21. DOI: 10.31857/S0869544X25010019, EDN: JAOGZQ

Проблема определения места казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы рассматривалась учеными и общественными деятелями как минимум в течение последних полутора веков. Сложность данного вопроса связана со следующими факторами. Во-первых, еще первый профессиональный этнограф, занимавшийся полевыми исследованиями донского казачества в 1880-е годы, М.Н. Харузин, отметил его неоднородность: «Почти каждая станция, с прилегающими к ней хуторами, носит на себе особый отпечаток, выражающийся в произношении, формах быта, обрядах и т.п.»¹. Во-вторых, с 1910-х годов и зарождения полноценного казачьего национализма², вопрос о месте

¹ Харузин 1885, XXV.

² Казачий национализм – возникшее в начале 1910 годов общественно-политическое движение, выступающее за признание казаков отдельной нацией и политическую защиту его прав. О его генезисе см. монографии Б.С. Корниенко «Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)» [Корниенко 2013].

казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы приобрел политическую подоплеку. Основоположник казачьего национализма Е.П. Савельев считал, что «отсталая» и «рабовладельческая» Россия сыграла роковую роль в истории Дона [Корниенко 2013, 155]. В эмиграции некоторые казаки-националисты вообще сформулировали идею о фундаментальной несовместимости казачества и России: «Ни в какой России не может быть свободного и сильного Казачества, — Россия, всякая Россия будет расказачивать и ликвидировать Казачество в своих собственных интересах»³. В-третьих, казачьи территории в Российской империи в принципе были достаточно слабо изучены. Лишь в 1899 г. управлявшее казачьими территориями Военное министерство поставило вопрос о необходимости их полноценного научного изучения: военный министр А.Н. Куропаткин написал, что «надо поспешить с составлением подобных исторических трудов по каждому из казачьих войск, по определенной программе, о его прошлом; затем составить, по общей программе, описания о настоящем казачьих войск; тогда легче будет, без ошибок и сомнений, решать все вопросы, определяющие будущее каждого из казачьих войск в отдельности и всех вместе»⁴. Соответственно, большая часть этнографических исследований казачества относится уже к XX–XXI вв., когда быт и самоидентификация казаков оказались в значительной степени разрушены большевиками и общими процессами урбанизации России — и, что кажется еще более важным, трансформированы полученными историческими травмами и деятельностью как казачьих националистов, так и их противников. Наконец, в-четвертых, подавляющее большинство подробных описаний казачества до 1917 г. выполнялись авторами-любителями, чаще всего казаками, и до сих пор остаются мало востребованными профессиональными этнографами. Например, в фундаментальной «Истории русской этнографии» С.А. Токарева из донских авторов XIX в. упоминается только В.Д. Сухоруков, но лишь в общероссийском контексте, как этнограф-декабрист и друг А.С. Пушкина [Токарев 2015, 251, 256].

В результате место казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы в советской/российской этнографии обычно определялось в самых общих чертах: казачьи войска позиционировались как некие группы в составе русского народа, имеющие свою специфику. Так, С.А. Токарев в «Этнографии народов СССР» отнес казаков к «своеобразным и обособленным культурно-географическим типам русского населения» [Токарев 1958, 31]. При этом казачество фактически описывается им как наиболее своеобразная в культурно-бытовом отношении группа русских, в свою очередь состоящая из ряда групп (донское казачество, уральское казачество и т.п.), степень взаимосвязи и иерархия которых не объяснялась [Там же, 32]. В монографии Института этнологии и антропологии РАН «Русские» утверждалось, что «в целом казачество оставалось хотя и особой, но составной частью русского народа» [Русские 1999, 110]. По мнению автора раздела о казачестве И.А. Аверина, «к началу XX в. казаки не представляли собой единой этнической общности, а ряд локальных культурно-территориальных групп» [Там же, 115]. При этом и С.А. Токарев, и И.А. Аверин четко разделяли донских казаков на две группы: «верховских», у которых преобладали русские элементы, и «низовских», с преимущественно украинскими компонентами, но данный сюжет остался без дальнейшего развития [Токарев 1958, 32; Русские 1999, 110].

³ Наш ответ г-ну Мельникову, 9.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4. Л. 1–10б.

Часть этнографов и историков характеризовали казачество через понятие «субэтнос». В этом контексте хотелось бы обратить внимание на заседание ученого совета ИРИ РАН 7 октября 2004 г., на котором обсуждался доклад известного специалиста по статистике населения Российской империи В.М. Кабузана «Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII — начале XX в.» [Кабузан 2008, 302–326]. Известный историк не упомянул о делении донских казаков на верховых и низовых, подчеркнул, что «никогда в условиях дореволюционной России они (казаки. — *А.П.*) себя не считали отдельным народом» и в целом позиционировал казаков как единый субэтнос русского народа, видя в казачьем национализме попытку расколоть Россию [Там же, 324]. Однако он был вынужден признать, что переписи населения Кубани в советское время дают крайне странные результаты: «Это уникальное явление, когда в 1926 г. на Кубани доминировали украинцы, а в 1936–1937 гг. русские составили почти 100 %. В регионе усилились ассимиляционные процессы, и многие украинцы стали считать себя русскими. Однако за 10 лет [...] такая быстрая ассимиляция вряд ли могла иметь место» [Там же, 325].

С учетом приведенных выше фактов, признание казаков субэтнсом, в последние десятилетия распространившееся в отечественной историографии, в действительности не может быть окончательным ответом на вопрос о месте казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы, поскольку оно порождает ряд принципиальных возражений. Вряд ли можно считать субэтнсом группу, которая, по мнению ряда этнографов, не представляет собой единой этнической общности, причем в ее подгруппах, являющихся едиными этническими общностями, преобладает различная этничность (помимо русской и украинской следует отметить, например, калмыцкую у донских казаков-калмыков). При этом сам термин «субэтнос» не является общепринятым в мировой науке, а казус с переписями 1920–1930 годов на Кубани свидетельствует в пользу конструктивистского характера национальной идентичности у местных казаков, которые были не ассимилированы, но меняли свою самоидентификацию под влиянием внешних обстоятельств.

Наконец, еще один подход к вопросу о месте казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы был предложен специалистом по казачьей этнографии М.А. Рыбловой в статье «Донское казачество: к вопросу об “истоках” и социокультурных трансформациях» [Рыблова 2010, 158–174]. Исследовательница предложила исходить из того, что «социокультурные трансформации являются определяющими для понимания культурной специфики донского казачества, на протяжении истории которого неоднократно происходили резкие изменения социокультурной модели» [Там же, 161]. С моей точки зрения, именно подобный подход к решению рассматриваемого в статье вопроса будет наиболее эффективен: чтобы понять место казачества в этнокультурном пространстве Восточной Европы в конкретный период времени, необходимо уяснить то, кем казаки являлись в тот момент и как себя тогда идентифицировали.

Но, к сожалению, М.А. Рыблова не смогла в полной мере применить на практике предложенный ею подход. Рассматривая казачество в XVIII–XIX вв., она охарактеризовала его как «этносословие», причем утверждала, будто бы донская интеллигенция осознанно пыталась закрепить идею особой казачьей этничности с начала XIX в.: к числу действовавших в этом направлении авторов она отнесла сподвижника М.И. Платова А.Г. Попова, на том основании, что он искал благородных предков казаков в лице скифов и амазонок [Там же, 165]. В действительности, во-первых, для А.Г. Попова мифические и реальные древние жители степей выступали в равной степени предками и

казаков, и русских⁵. Во-вторых, он исходил из неизвестного большинству его критиков сарматского этногенетического мифа Речи Посполитой, в рамках которого сарматы считались предками славян [Лескинен 2002, 45]. Можно уверенно говорить об этом потому, что в тексте книги А.Г. Попова есть прямые ссылки на одного из последних adeptов этого мифа — С. Богуш-Сестренцевича [Попов 2011, 48–49]⁶.

И подобные ошибки у М.А. Рыбловой принципиальны. Она выстроила представления о самоидентификации казачьей интеллигенции XIX — начала XX в. на основе работ А.Г. Попова, В.М. Пудавова и Е.П. Савельева [Рыблова 2010, 165]. Даже не вдаваясь в детали не всегда верной интерпретации их текстов, следует учитывать, что эти авторы для донской традиции историописания были достаточно маргинальны [Корниенко 2013, 162–165]⁷. Между тем общепризнано, что авторитетнейшим донским автором той эпохи являлся В.Д. Сухоруков, о котором даже писали, что «ни раньше, ни позже его ни один из донских писателей, публицистов или общественных деятелей не пользовался на своей родине популярностью Сухорукова» [Королев 1991, 241–242]. Однако М.А. Рыблова о нем даже не упомянула, несмотря на то, что он, как раз в рамках карамзинской модели истории России, возводил происхождение донских казаков к беглым крестьянам: «Общество это (ранних донских казаков. — А.П.) составилось первоначально из людей беглых разных российских, а наиболее из украинских городов»⁸.

Хотелось бы подчеркнуть, что неточности М.А. Рыбловой носят далеко не случайный характер. Тексты донских авторов-любителей дореволюционного периода, формирующие специфический донской казачий дискурс, вообще изучены крайне слабо, обобщающих работ о них почти нет (первые шаги в этом направлении предпринял Н.А. Мининков, однако он только в самых общих чертах указал на наличие в рамках этого дискурса нескольких альтернативных моделей историописания) [Мининков 2010, 266–285]. В результате методы критики этих историографических источников не выработаны, и естественно, что в этих условиях крупный этнограф М.А. Рыблова, активно исследующая современное казачество, использовала для интерпретации текстов XIX в. ту же логику, что и при интерпретации текстов современных информантов.

Между тем, как утверждал С.В. Соколовский, в рамках до сих пор актуальных в России «примордиалистских концептуализаций этнического», одним из свидетельств отдельности этноса служит его «этническое происхождение, предпочтительно древнее» [Соколовский 2004, 9–12]. Более того, ученый выделил типичный и распространенный «топос в этногенетическом дискурсе»⁹: апелляцию к древности своего этноса при его сопоставлении с «соперниками» [Там же, 14–15]. Поэтому М.А. Рыблова вполне логично приняла нарратив А.Г. Попова о происхождении казаков от скифов и амазонок за реализацию данного топоса. Однако в контексте творчества автора, взгляды которого

⁵ Попов 1814, 117.

⁶ Там же, VII–XI.

⁷ Кириллов 1909, 6, 21.

⁸ Сухоруков 1867а, 12.

⁹ В данной статье, вслед за С.В. Соколовским, термин «топос» понимается как «набор стереотипных тем и образов, используемых оратором для структурирования аргументации» [Соколовский 2004, 14], т.е. не как частный аргумент и не совокупность аргументов, но стереотипная для какого-либо дискурса структура аргументации и неразрывно связанная с ней логика доказательства (то, какие стереотипные темы и образы принято приводить для доказательства того или иного утверждения в данном дискурсе).

сформировались в XVIII в., это мифологизированное утверждение не является данным топосом именно потому, что он связан с современным представлением об этносе, которое сформировалось заметно позже. А.Г. Попов использовал совершенно иной, куда более ранний, хотя также выходящий за пределы чистой науки топос, тот, который Н.И. Толстой назвал «мифологическим изложением и восприятием истории славян», характерный, в частности, для польского сарматизма [Толстой 1991, 68]. Данный топос работал не на разделение славянского единства на ряд соперничающих этносов, но на создание представлений о общем древнем и благородном происхождении всех славян. И действительно, у А.Г. Попова подобным благородным славянским единством выступают казаки, русские и даже хазары: «Оно (донское казачество. — А.П.) будучи единоплеменным, единоверным и одного наречия с Россиянами, ведя свой род от Сармато-Скифов, как Козары»¹⁰.

Таким образом, для того чтобы понять, как казаки идентифицировали себя в прошлом, необходим анализ внутренней логики и категориального аппарата их работ. Опора исключительно на факты, сообщаемые донскими авторами, может привести к неверным результатам: эти факты в оригинальном источнике могли быть интерпретированы непривычным для нас образом и даже использоваться для доказательства теорий, которые с точки зрения современных дискурсов прямо противоречат этим фактам. Разумеется, полноценный анализ различных вариантов самоидентификации казачества выходит за рамки небольшой статьи, однако далее я попытаюсь хотя бы в общих чертах описать, как идентифицировали себя донские казаки в XIX в.

Прежде всего, необходимо выделить несколько особенностей донского казачьего дискурса той эпохи, принципиально важных для его понимания.

1) Донские авторы-любители использовали терминологический аппарат современной им науки, однако часто неточно и далеко не всегда понимая его нюансы. Фактически они употребляли научную терминологию как бытовую речь: термины у них выступали не-понятиями, полноценно характеризующими определяемый объект, но маркерами, позволяющими читателю понять, о каком объекте речь. Поясню это на конкретных примерах. В.Д. Сухоруков, описывая языковую ситуацию на территориях Войска Донского, написал о великороссийском и малороссийском *наречиях*¹¹. Н.И. Краснов в аналогичном описании упомянул русский и малороссийский *языки*¹². Как отметила М.В. Лескинен, спор о статусе украинского языка (язык или наречие?) был острым в течение всего XIX в. [Лескинен 2016, 215]. Однако донской дискурс не делал различий между малороссийским языком и малороссийским наречием: и то, и другое словосочетание были понятны читателю, когда речь шла об описании говора части донских крестьян и казаков, а вопросы о том, чем отличается язык от наречия и чем является украинский язык, языком или наречием, ни В.Д. Сухорукова, ни Н.И. Краснова, по-видимому, не интересовали.

Иногда некорректное использование слов заводило донских авторов очень далеко. Так, объясняя нежелание казаков допускать на территории Войска Донского иногородних (т.е. переселенцев из других губерний), Н.И. Краснов написал о присущем донским казакам «чувстве *национальности*»¹³. Однако в многочисленных текстах Н.И. Краснова казачество нигде не позиционировалось в

¹⁰ Попов 1814, 117.

¹¹ Сухоруков 1891, 108.

¹² Краснов 1863, 414–415.

¹³ Там же, 231–232.

качестве отдельной нации, более того, как общественный деятель он выступал сторонником сближения Дона с Россией [Volvenko 2015, 99–100]. Соответственно, нет оснований полагать, что, по мнению Н.И. Краснова, донские казаки считали себя отдельной нацией — но его современникам словосочетание «чувство национальности» было понятно в контексте описания эмоций той части донского общества, которая боролась за сохранение особых казачьих традиций и которую также называли, например, «донскими патриотами» [Там же, 99–100]. Таким образом, у донских авторов заимствованная из научного дискурса терминология вообще могла формально противоречить содержанию, но в рамках их дискурса это оставалось неважным, пока подобные неточности не мешали коммуникативной функции текста (на подобную специфику донского дискурса еще в 1860-е годы обратил внимание М.Е. Салтыков-Шедрин¹⁴).

2) Казачестве в целом донские авторы почти не описывали. Исключением, объясняющим данный факт, может служить цикл статей Н.И. Краснова «Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России». В рамках этого цикла Н.И. Краснов рассмотрел российское казачество как совокупность «поселенных войск» (т.е. военных поселенцев), причем новые войска могли искусственно создаваться и упраздняться правительством: «Чисто военные взгляды по образованию поселенных войск, как мы видим, постоянно влекли правительство к образованию казачьих населений, а, с другой стороны, невыгодность некоторых поселенных войск в финансовом отношении и другие обстоятельства были причиной упразднения Азовского, Новороссийского и Башкиро-Мещеряковского казачьих войск»¹⁵. Соответственно, в данном цикле статей Н.И. Краснова интересовала «экономическая жизнь всего казачьего населения»¹⁶. Поэтому, описывая даже родное Донское Войско, офицер писал о росте числа донских казаков и крестьян в XIX в., а связанные с этничностью вопросы их антропологического типа, языка, характера и т.п. не рассматривал вовсе¹⁷. Соответственно, совокупность всех казачьих войск оказывалась у Н.И. Краснова институциональным и экономическим, но ни в коем случае не этническим или культурным единством, группой людей, объединенной схожей системой управления и экономическим положением, но не общим самосознанием или традициями.

3) При этом между отдельными казачьими войсками могли существовать какие-то взаимосвязи, от сродства до соперничества. Были и попытки выстроить некую иерархию казачьих войск. Так, в упомянутом выше цикле статей Н.И. Краснова казачьи войска были разделены на «самобытно образовавшиеся» (Донское, Терское и Уральское) и созданные правительством (все остальные)¹⁸. Схожую иерархию казачьих войск выстроил генерал Н.А. Маслаковец, не казак, но много лет служивший в гражданских администрациях казачьих войск офицер, который писал: «Хотя для самостоятельного развития Оренбургского казачьего войска, подобно Донскому, Уральскому и другим старейшим казачьим общинам, и не доставало той исторической почвы, на которой с таким успехом возникали и развивались последние; тем не менее, государство, признав необходимость образования в пределах Оренбургской губернии особого нерегулярного корпуса, в самом уже начале его основания не встретило недостатка в подходящих для того местных элементах»¹⁹.

¹⁴ Салтыков-Шедрин 1864, 7.

¹⁵ Краснов 1877, 265.

¹⁶ Там же, 264.

¹⁷ Там же, 274–293.

¹⁸ Там же, 264–265.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 3–3об.

Однако иерархия с делением на «старейшие» и новейшие, «самобытно образовавшиеся» и созданные правительством казачьи войска не предполагала существенной разницы между казаками: Н.И. Краснов, описав это деление, далее рассматривал «самобытно образовавшееся» Терское войско и созданное правительством Кубанское войско в совокупности, объединяя их под обозначением «кавказские казачьи поселения» и мотивируя это тем, что их обитатели давно смешивались как между собой, так и с поселенцами из других казачьих войск, а также с выходцами из «малороссийских губерний»²⁰. В итоге общепринятой иерархии казачьих войск не сложилось, и в отдельных текстах о донских казаках они вообще выступали как конкуренты за место в этой иерархии. Так, в статье И.И. Краснова «Донцы на Кавказе» описывался своеобразный заочный спор между донскими и кавказскими линейными казаками за «право первенства» в славе внутри российского казачества²¹.

4) Неоднородной позиционировалась не только совокупность всех российских казачьих войск, само донское казачество представлялось разделенным на несколько групп. Крайне важно, что у донских авторов не было однозначного мнения о количестве этих групп (даже не принимая во внимание донских казаков-калмыков, которые описывались донскими авторами отдельно от всех прочих групп местного населения и которые не рассматриваются в рамках данной статьи²²).

Так, в 1810-е годы казак-самоучка Е.Н. Кательников при описании родной станицы выделил три группы донских казаков: «верховцев(ы)», «серединцев(ы)» и «низовцев(ы)»²³. В.Д. Сухоруков упомянул «верховые» и «низовые» станицы, для которых были характерны различные антропологические женские типы²⁴. С.Ф. Номикосов описал только две группы казаков, «верховых» (также «верховцев») и «низовых»²⁵. Наконец, Н.И. Краснов в томе о Земле Войска Донского «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» сумел вообще совместить оба варианта деления казачества: в части о народонаселении он упомянул только «верховых» и «низовых» казаков²⁶, а в разделе о нравах и быте местных жителей добавил к ним «серединцев»²⁷. При этом рефлексии на этот счет у Н.И. Краснова почти нет: в рамках своей модели повествования он просто описывал факты, используя ту систему деления казаков, которая лучше соответствовала предмету описания. И в результате выходило, что дуальная система «верховые» — «низовые» лучше подходит для деления казаков по антропологическому типу («русые и сероглазые» — «черноглазые и черноволосые») ²⁸, а триальная, «верховые» — «серединцы» — «низовые», для деления по языку («много своеобразных слов [...], речь их постороннему не совсем понятна» — «русский язык с малой примесью своеобразных слов» — «русский язык с примесью малороссийского») ²⁹.

Таким образом, в случае с внутренним делением донского казачества приходится сталкиваться с особенностью терминологии, охарактеризованной выше

²⁰ Краснов 1877, 265.

²¹ И.К. 1865, 84.

²² Сухоруков 1891, 183–186; Краснов 1863, 237–244; Номикосов 1884, 324–327.

²³ Кательников 1886, 4.

²⁴ Сухоруков 1891, 108.

²⁵ Номикосов 1884, 298.

²⁶ Краснов 1863, 221–226.

²⁷ Там же, 414–417.

²⁸ Там же, 223.

²⁹ Там же, 414–416.

в пункте 1: слово выступает не правильным определением, четко описывающим объект, но приблизительным маркером, позволяющим читателю понять, о каком объекте речь. Обозначения «верховец», «серединец» и «низовой казак» оказывались пересекающимися: «верховец» по антропологическому типу мог быть «серединцем» по языку. Однако читатель, понимающий дискурс донских казаков, в целом представлял, кто подразумевается под «верховцами», «серединцами» и «низовыми казаками».

5) Вопрос о том, что объединяет донских казаков, отличавшихся друг от друга по антропологическому типу и говору, донскими авторами обычно не ставился. Единство казачества воспринималось ими как очевидный факт, не требующий подробного обоснования, описания или объяснения. При этом формальный критерий принадлежности к казакам был прост и очевиден: всеми авторами статистических описаний Донского Войска XIX в. в качестве казаков позиционировались все казаки Войска Донского, кроме калмыков³⁰.

Логично, что при подобном подходе попытки краткой общей характеристики донского казачества давались донскими авторами XIX в. не через этнические категории. Вот, например, определение В.Д. Сухорукова: «Воинственное сообщество, русское по вере и обычаям, но какое-то отдельное, странное, живущее и действующее совсем не так, как живут и действуют в России. Оно явилось вдруг, как будто упало с неба, и вдруг имя его и дела его ярко высказались на всем сопредельном к России юге. Этот народ были казаки (здесь уместно напомнить о терминологической небрежности донских авторов — В.Д. Сухоруков точно не имел в виду народ в понимании науки XIX в., поскольку не выделил у казаков особого языка. — А.П.)»³¹. Крупный донской историк-любитель А.А. Кириллов солидаризировался с более ранним определением казачьего поэта А.А. Леонова, позиционировавшего казачество «как частное проявление отдельной массы русского народа, как историческую корпорацию, общину, образовавшуюся не случайно, но вследствие исторической необходимости»³².

Таким образом, донское казачество у местных авторов XIX в. предстает «сообществом»/«корпорацией»/«общиной», идентичность которой не вполне ясна. Это однозначно не сословная идентичность, поскольку казачество как сословие Российской империи не играло сколько-либо заметной роли в донской казачьей самоидентификации. Однако это и не этническая идентичность: этнические понятия не вполне были уяснены донскими авторами XIX в. и использовались крайне небрежно, а донские казаки подразделялись ими на несколько групп, существенно различавшихся по антропологическому типу, нраву и языку. На мой взгляд, уместнее всего говорить о корпоративной идентичности: основой для самоидентификации оказывалась сама принадлежность к Донскому Войску. Суть подобной идентичности хорошо передают следующие слова еще одного донского казака XIX в., И.С. Ульянова: «Казачка где бы не увидела идущих на службу или возвращающихся со службы казаков, не пропустит их без искреннего, душевного приветствия словами: “Родимые (или “соколы мои”) донские казачки”. Это родственное чувство принадлежит племени»³³.

Подобная корпоративная идентичность выстраивалась на исторической, а не на этнической основе. Наука XIX в. считала важнейшим атрибутом этноса и нации язык, вплоть до того, что при переписях национальность определялась

³⁰ Сухоруков 1891, 91–97; Краснов 1863, 227–235; Номикосов 1884, 297–324.

³¹ Сухоруков 1867б.

³² Кириллов 1909, 3.

³³ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 394об.

по языку [Лескинен 2016, 197–202]. Общеизвестно, что на начальном этапе национальных движений Восточной Европы XIX в. их деятели обычно уделяли большое внимание описанию своего языка (см., например, многочисленные варианты украинской азбуки, предложенные в XIX в., кулишовку, драгомановку, желеховку и проч.). Однако донские авторы в целом почти не интересовались спецификой казачьих диалектов, хотя они, возможно, были даже не всегда вполне взаимопонимаемы с великорусскими. Согласно Н.И. Краснову, речь верховых казаков была почти не ясна постороннему, он перечислил несколько десятков слов, употреблявшихся исключительно в их среде³⁴. И.С. Ульянов так описал свое первое пребывание в Новочеркасске в 1820 г.: «Замечательно, что я, верховец чистейшей крови, не без труда понимал тогдашний простонародный черкасский говор»³⁵. Зато в течение всего XIX в. различные донские авторы пытались написать систематическую историю Донского Войска, придавая ей принципиальное значение [Peretyatko 2022, 1163–1176]. При этом один из них, М.Х. Сенюткин, прямо утверждал, что ориентиром для донских авторов должны стать слова Н.М. Карамзина о национальной истории: «История есть в некотором смысле книга священная для народов, главная, необходимое зеркало их бытия и деятельности, завет предков потомству, дополнение настоящего и пример для будущего»³⁶.

6) В результате всего изложенного выше в донском казачьем дискурсе XIX в. сформировался совершенно особый топос своей обособленности. Он предполагал апелляцию не к древнему происхождению, к мифическим предкам, единому языку или сходству нравов – важнейшим обоснованием феномена казачьей корпорации, Войска Донского, оказывалась эффективность этой корпорации. Соответственно, как ни парадоксально, сами успехи казаков на службе России отделяли их от остальных русских. В этом плане очень показательна ехидная реплика И.С. Ульянова о том, что желание унифицировать российские и донские порядки можно интерпретировать как желание доказать, будто бы «донские казаки 300-вековой (описка в оригинале, следует читать 300-летней. — *А.П.*) жизнью не принесли и не приносят своей метрополии никакой пользы и их нужно опустить, как каплю в море, в общую безразличную массу Руси»³⁷.

Этнографические вопросы в рамках подобного топоса оказывались не очень важными. Уточнения антропологического типа, языка, народного характера казаков могли иметь определенную инструменталистскую ценность для облегчения управления регионом, однако в целом в нарративах сторонников казачьей обособленности они вытеснялись на периферию исследований: в фокусе внимания оказалась история Донского Войска и доказательства его эффективности, а не народописание донского качества и конструирование его этнического единства.

7) Между текстами донских авторов XIX в. и позднейшими текстами казачьих националистов, безусловно, есть определенная идейная преемственность. Однако именно в представлениях о казачьем этносе и казачьей нации эти тексты принципиально расходятся: сами донские националисты начала XX в. подчеркивали, что, говоря о казачьем национализме, «пускают в оборот это новое слово» [Корниенко 2013, 215–216]. При этом первое поколение донских казачьих националистов («группа Холмского») продолжало использовать топос,

³⁴ Краснов 1863, 417.

³⁵ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 395об.

³⁶ Сенюткин 1866, 157.

³⁷ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 240об.

описанный в пункте 6: представители этой группы предпочитали «писать о событиях не столь далекого прошлого» и «выдвигать на первый план заслуги донцов перед Россией, таким образом делая ее своеобразным историческим должником» [Там же, 163]. В результате дискурс казачьего национализма с самого начала оказался внутренне противоречив, что замедляло его развитие: в нем сочетались представления о негативной роли России в истории казачества, упомянутой выше, и гордость за службу казаков России.

В заключительной части этой статьи хотелось бы обратиться, собственно, к самопрезентации донских казаков XIX в., к тому, как они описывали свой антропологический тип, язык и характер. В данном случае предпочтение следует отдать наиболее обобщающим и рассчитанным на массового читателя трудам донских авторов, к историко-статистическим описаниям Войска Донского. В XIX в. донскими исследователями было предложено три таких описания: В.Д. Сухорукова³⁸, Н.И. Краснова³⁹ и С.Ф. Номикосова⁴⁰. При этом важно уточнить, что сама форма историко-статистического описания была внешней для донской казачьей культуры, и, соответственно, обязательные в рамках этой формы этнографические характеристики местного населения, скорее всего, писались донскими авторами по принуждению, а не внутренней потребности. Доказательством тому может послужить вышедшее в 1887 г. в Новочеркасске «Краткое историческое и статистическое описание Войска Донского» под редакцией авторитетных донских авторов А.А. Карасева и Х.И. Попова⁴¹. Несмотря на заявленную «краткость», это описание включало биографии донских атаманов, «Сказание об Азовском сидении» и несколько народных песен⁴². А вот этнографический раздел не просто отсутствовал: население Донского Войска описывалось авторами не через этнические, а через сословные категории, с делением на казаков, крестьян и иногородних⁴³. Язык из всех категорий населения указывался только для казаков («донские казаки говорят русским языком, который, в южных частях Области, испорчен влиянием малороссийского элемента») ⁴⁴. Таким образом, в рамках попытки донских авторов создать краткое, а не полноценное историко-статистическое описание Войска Донского, максимальному сокращению были подвергнуты этнографические, а минимальному — исторические сюжеты.

Все это хорошо укладывается в описанную выше логику донского казачьего дискурса XIX в. Поэтому, раз внимание к этнографическим вопросам в определенной степени навязывалось донским авторам извне, здесь, в отличие от предыдущей части статьи, следует обратить внимание на сообщаемые авторами наиболее базовые факты, а не на то, какое место эти факты занимали в тексте историко-статистического описания.

1. Антропологический тип казаков.

Все донские авторы сходились в том, что у донских казаков было два различных антропологических типа, локализованных в верховьях и низовьях Дона. В.Д. Сухоруков написал, что донские казаки «большей частью смуглы, с темными волосами», но при этом те из них, кто живут в северной части Земли Войска Донского «имеют большей частью русые и рыжие волосы и румяный

³⁸ Сухоруков 1891.

³⁹ Краснов 1863.

⁴⁰ Номикосов 1884.

⁴¹ Краткое историческое и статистическое описание Войска Донского.

⁴² Там же, 1–12, 1–36, 1–3.

⁴³ Там же, 4.

⁴⁴ Там же, 6.

цвет лица»⁴⁵. Согласно Н.И. Краснову, верховые казаки были «по большей части русые и сероглазые», а низовые «по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые»⁴⁶. Любопытнее всего текст С.Ф. Номикосова: в нем приведено утверждение некоего Барминского, причем в пересказе Н.И. Краснова, согласно которому донские казаки делились на три, а не два антропологических типа: «казаки с преобладанием великорусского типа» на севере Области Войска Донского, «казаки с преобладанием малороссийского типа» на территории большей части юга Области Войска Донского и «казаки с преобладанием монгольского типа» в низовьях Дона⁴⁷. Однако сам С.Ф. Номикосов, заявляя, что «против научных выводов мы спорить не будем», утверждал, что «при поверхностном наблюдении» казаки с преобладанием монгольского типа в Области Войска Донского есть, но большинства не составляют нигде⁴⁸. В целом же, по С.Ф. Номикосову, у казаков однозначно преобладал «великорусский тип», т.е. антропологический тип верховых казаков⁴⁹.

Итак, ни один из указанных в статье авторов не пытался доказать эксклюзивность казачьих антропологических типов. С.Ф. Номикосов прямо связывал их с великорусским и малороссийским. У Н.И. Краснова и В.Д. Сухорукова об этом прямо не говорится, но скорее потому, что данный факт был признан тривиальным, а происхождение казаков от великороссов и малороссиян — общеизвестным. Например, В.Д. Сухоруков писал об этом так: «Корень населенности Донской страны составляют великороссияне и малороссияне»⁵⁰.

II. Языки и наречия донских казаков.

Согласно В.Д. Сухорукову, «язык на Дону смешанный и включает в себя два наречия, великороссийское и малороссийское, много испорченные и измененные»⁵¹. При этом «вверх по Дону» «говорят более наречием великорусским», а «в средней и западной частях, в особенности же при истоках Дона» — «говорят более наречием малороссийским, но отдаленным от своего корня»⁵². В интерпретации Н.И. Краснова верховые казаки и «серединцы» говорили «русским языком» «с примесью своесозданных слов» (значительно большей у верховых казаков), а низовые казаки говорили на «русском языке с примесью малороссийского»⁵³. Наконец, С.Ф. Номикосов писал о «мягком говоре» низовых казаков, который показывал их «малороссийское» происхождение, а говор верховых казаков он считал «рязанским»⁵⁴.

Как видим, для донских авторов XIX в. донское казачество не просто не имело эксклюзивных антропологического типа и языка. Оно распадалось на группы с преобладанием великорусского и малороссийского элемента, причем эти группы описывались через отличия друг от друга, и, соответственно, какие-либо промежуточные, переходные группы не выделялись вовсе (т.е. даже «серединцы» выступали не смешением верховых и низовых казаков, но совершенно отдельным третьим феноменом). Попытки выделить преобладающий в казачьей среде язык и антропологический тип предпринимались, но в нарративах донских

⁴⁵ Сухоруков 1891, 107–108.

⁴⁶ Краснов 1863, 223.

⁴⁷ Номикосов 1884, 280.

⁴⁸ Там же, 281.

⁴⁹ Там же, 280–281.

⁵⁰ Сухоруков 1891, 107.

⁵¹ Там же, 108.

⁵² Там же.

⁵³ Краснов 1863, 414–417.

⁵⁴ Номикосов 1884, 299–300.

авторов куда больше внимания уделялось описанию антропологического типа и языка отдельных групп казаков. Более того, преобладающие антропологический тип и язык не служили ни маркерами, определяющими казака (поскольку они не были эксклюзивны для казачества), ни эталоном, на который следовало бы ориентироваться (поскольку донское казачество позиционировалось как изначально смешенное по составу, и все описываемые типы и языки групп донского казачества воспринимались одинаково казачьими).

В то же время в контексте своеобразного «дрейфа» представлений казаков о самих себе представляется очень важным, что у писавшего в начале XIX в. В.Д. Сухорукова общая характеристика донского казачества ближе к характеристике низовых казаков (преобладают темные волосы и смуглая кожа, широко распространено «малороссийское» наречие), а в конце XIX в. у С.Ф. Номикосова общая характеристика казачества ближе к характеристике верховых казаков (преобладает «великорусский тип», малороссийское наречие/украинский язык не фиксируются, только «мягкий говор»). Следует учитывать, что донское казачество в XIX в. быстро менялось. Н.И. Краснов в 1860-е годы сравнивал одежду современных донских казаков с описаниями В.Д. Сухорукова и В.Б. Броневского, относящимися к 1820-м годам, и делал вывод, что особый казачий наряд полностью вытеснен одеянием «зажиточных крестьян великорусских губерний»⁵⁵. Таким образом, в XIX в. в среде донского казачества шли процессы сближения с этническими особенностями именно русских: как минимум, элементы украинского языка и оригинальной казачьей одежды вытеснялись в казачьей среде русским языком и русской одеждой. Исторически же в Донском Войске, напротив, большим влиянием пользовались наиболее отличные от русских и близкие к украинцам низовые казаки (в царских грамотах они упоминались прежде верховых, а, когда в 1592 г. такой порядок был нарушен, это вызвало возмущение)⁵⁶. Логично, что в результате подобных процессов чем дальше, тем меньшую роль при конструировании общего образа казачества играли качества и особенности низовых казаков.

III. Характер.

С учетом всего изложенного выше, вполне понятно, почему донские авторы сталкивались с серьезной проблемой, пытаясь сконструировать общий характер казаков. Реализуемая ими модель описания различных групп казаков предполагала акцент на их отличия друг от друга, а это затрудняло выявление качеств, общих для всех казаков. В результате у Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова, описывавших отдельно характеры различных групп донского казачества (В.Д. Сухоруков этого не делал, ограничившись общим описанием характера казаков), характеры этих групп вполне узнаваемы и преемственность между ними очевидна. А вот описания общего характера всех казаков, предложенные В.Д. Сухоруковым, Н.И. Красновым и С.Ф. Номикосовым, не имеют между собой почти ничего общего.

Например, низовые казаки Н.И. Краснова удалы и отважны, но при этом хитры и тщеславны, любят чины, почести и атрибуты богатства, такие как наряды, красивые дома и модные экипажи⁵⁷. Общественная жизнь у них «может развиваться весьма быстро» (детализации этого утверждения, к сожалению, нет)⁵⁸. Женщины и особенно девушки, которые «считаются здесь барышнями»,

⁵⁵ Краснов 1863, 417–418.

⁵⁶ Там же, 222.

⁵⁷ Там же, 415.

⁵⁸ Там же.

щеголяли в шелковых платьях и бархатных шубах, даже если в их домах было холодно и голодно⁵⁹. Также и низовые казаки С.Ф. Номикосова щеголеваты, строят красивые дома, и вообще их образ жизни более городской, а низовая казачка – «барышня», чуряющаяся многих видов домашних работ⁶⁰. «Низовцы» менее патриархальны, и у них «все по-новому»⁶¹. Таким образом, описывая низовых казаков, Н.И. Краснов и С.Ф. Номикосов упоминали одни и те же черты характера, предельно конкретные и далекие от представлений о патриархальном казачестве.

Аналогичным образом и в «верховцах» С.Ф. Номикосова узнаваемы «серединцы» Н.И. Краснова, хранители казачьих традиций и старины. Согласно Н.И. Краснову, только у «серединцев» осталась вечная готовность идти на войну, только они практиковали военные игры в станицах и пели воинственные казачьи песни, например, про Ермака или Азовское сидение⁶². И С.Ф. Номикосов писал о том, что «в верхах сохранились еще старинные казачьи обычаи, старые песни и предания»⁶³. Различия в названии не должны смущать, с учетом описанной выше терминологической небрежности донских авторов.

Гораздо важнее другое: выделяемые Н.И. Красновым и С.Ф. Номикосовым внутри донского казачества группы обладали своими вполне законченными характерными чертами, причем эти черты имели мало общего между собой. В этом плане показательно, что Н.И. Краснов, описывая свойства групп казаков через подобие, писал, что низовые казаки «имеют большое сходство с французами», зато «в нравах своих серединцы выказывают прямых и честных новгородцев»⁶⁴. Таким образом, при попытке выявить общие для всех казаков черты Н.И. Краснов должен был найти такие черты у людей, которые напоминали ему французов, и у людей, которые напоминали ему новгородцев.

В итоге у В.Д. Сухорукова набор качеств, общих для всех казаков, выглядит так: набожность; честность; простота общественной жизни («людскости»); взаимопомощь; бережливость; готовность помогать; вспыльчивость с отходчивостью; почтительность к возрасту и заслугам; традиционализм («привязанность ко всем привычкам своих дедов»); обилие предрассудков и суеверий⁶⁵. Особенно же В.Д. Сухоруков отметил «любовь к родине, к своему званию, сильную привязанность к собственным обычаям», которые формируют «единодушие, составляющее народную характерность Донцов» – но, к сожалению, без всякого комментария к этому⁶⁶. У Н.И. Краснова общими качествами всего донского населения (включая крестьян) оказались уже «уважение к престолу»; набожность; храбрость; понятливость и изобретательность⁶⁷. При этом некоторые качества, которые В.Д. Сухоруков рассматривал как характерные для всех казаков (прежде всего, «простоту и патриархальность нравов»), Н.И. Краснов находил эксклюзивными исключительно для верховых казаков, в то время как «у низовых казаков не замечается ни простоты нравов, ни патриархальности»⁶⁸. Наконец, по С.Ф. Номикосову донские казаки «чрезвычайно доро-

⁵⁹ Там же, 225.

⁶⁰ Номикосов 1884, 299–300.

⁶¹ Там же, 300.

⁶² Краснов 1863, 416.

⁶³ Номикосов 1884, 300.

⁶⁴ Краснов 1863, 414–415.

⁶⁵ Сухоруков 1891, 108–109.

⁶⁶ Там же, 109.

⁶⁷ Краснов 1863, 223–224.

⁶⁸ Там же, 224–225.

жат своим званием»; преданы царю; независимы; веротерпимы; гостеприимны; почтительны к старшим и к начальству; но в то же время лживы и доверчивы⁶⁹. Таким образом, ни одно качество не рассматривалось как характерное для всех казаков одновременно ни В.Д. Сухоруковым, ни Н.И. Красновым, ни С.Ф. Номикосовым. Зато у В.Д. Сухорукова казаки честны, а у С.Ф. Номикосова — лживы.

Таким образом, в нарративах донских авторов XIX в. не только российское казачество в целом, но и донское казачество не обладало чертами этнического единства. Донские казаки в этих нарративах предстают обладающими двумя антропологическими типами, двумя/тремя вариантами говоров и двумя/тремя типами характера. Что еще важнее, донские авторы демонстрировали не только полное отсутствие попыток сконструировать из донского казачества этническое единство, но и крайнее невнимание к этнографическим вопросам. Дело доходило до того, что даже в наиболее популярных и рассчитанных на массового читателя работах отсутствовала единая номенклатура групп, выделяемых внутри донского казачества по антропологическому типу, характеру и языку, и донское казачество делилось как на две (верховые и низовые казаки), так и на три (низовые казаки, «серединцы», верховые казаки) группы. При этом, что принципиально важно, две основные группы донских казаков, выделяемые всегда, (верховые и низовые казаки) в плане антропологического типа и языка оказывались ближе не друг к другу, а к своим соседям, «великороссам»/«русским» и «малороссам» соответственно.

Итак, в этническом пространстве Восточной Европы XIX в. реалией оказывается не столько единое донское казачество, сколько входящие в его состав группы, которые следует изучать отдельно уже потому, что — в полном соответствии с утверждением С.А. Токарева — у низовых казаков преобладали элементы, характерные для украинского этноса, а у верховых казаков — элементы, характерные для русского этноса. Однако подобные исследования затрудняются тем, что именно в XIX в. начался процесс быстрого сближения всех групп донских казаков с русскими, а первое исследование донского казачества профессиональным этнографом, М.Н. Харузиным, было выполнено только в 1880-е годы, когда процесс утраты казаками отличавших их от русских элементов зашел очень далеко.

Однако с точки зрения донского дискурса XIX в. донское казачество предстает безусловным единством. Но это единство конструируется не на этнической и даже не на сословной основе, но на основе принадлежности к Донскому Войску как исторически сложившейся институции. В рамках подобной самоидентификации оказывается фундаментально не важным этническое единство и такие его составные элементы, как единство антропологического типа, языка и даже характера. Именно поэтому для донских авторов XIX в. и характерно невнимание к этнографическим вопросам: с их точки зрения, они просто не имели особого значения. Вместо этого у донских авторов XIX в. сформировался собственный топос доказательства единства и отдельности: через исторические (и псевдоисторические) тексты, утверждающие эффективность Донского Войска как корпорации на службе России. И, значит, в культурном пространстве Восточной Европы XIX в. донское казачество оказывается единством, отдельным и отличным от всех своих соседей — а в начале XX в. именно на основе этого исторически-корпоративного единства донские казаки националисты попытались создать казачью нацию.

⁶⁹ Номикосов 1884, 312–314.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРО – Государственный архив Ростовской области
ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28.

И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73–89.

Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1886. 63 с.

Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск: Частная Донская Типография, 1909. 41 с.

Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: типография Департамента Генерального Штаба, 1863. 605 с.

Краснов Н.И. Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России // Военный сборник. 1877. № 12. С. 264–301.

Краткое историческое и статистическое описание Войска Донского / под ред. А.А. Карасева и Х.И. Попова. Новочеркасск: Типография областная Войска Донского, 1887. 94 с.

Наш ответ г-ну Мельникову // Вольное казачество. 1930. № 65. С. 5–9.

Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Областное правление Войска Донского, 1884. 774 с.

ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104.

ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4.

Попов А.Г. История о Донском войске. Харьков: Университетская типография, 1814. Ч. 1. 170 с.

Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 1–18.

Сенюткин М.Х. Донцы. М.: типография С. Селивановского, 1866. Ч. 2. 490 с.

Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск: областная Войска Донского типография, 1867а. Т. I. 328 с.

Сухоруков В.Д. Разбор книги «История Войска Донского В. Броневского. 1836 года» // Донской вестник. 1867б. № 27–28.

Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1891. 302 с.

Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: типография М.П. Щепкина, 1885. 432 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кабузан В.М. Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII – начале XX в. // Труды Института российской истории. Вып. 7. М.: Наука, 2008. С. 302–326.

Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.

Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1991. 464 с.

Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

Лескинен М.В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Ин-дрик, 2016. 680 с.

Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266–285.

Попов М.А. Литературная и научная деятельность митрополита Станислава Богуща-Сестренцевича // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя а. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2011. № 1. С. 42–51.

Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полишук. М.: Наука, 1999. Народы и культуры. 828 с.

Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174.

- Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. 248 с.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 615 с.
- Токарев С.А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.
- Толстой Н.И. Сарматизм: миф – история – национальное самосознание – культура // История и культура. Тезисы. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 66–71.
- Peretyatko A.Yu. Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography // *Bylye Gody*. 2022. 17(3). pp. 1163–1176.
- Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Iss. 2., pp. 94–107.

Рукопись поступила в редакцию 30.04.2024

Рукопись принята к печати 19.09.2024

REFERENCES

- Kabuzan V.M. Chislennost' i razmeshcheniye kazakov Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XX v. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2008, vol. 7, pp. 302–326. (In Russ.)
- Kornijenko B.S. *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)*. St. Petersburg, EUSP Press Publ., 2013, 232 p. (In Russ.)
- Korolev V.N. *Staryye Veshki. Povestvovaniye o kazakakh*. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo Publ., 1991, 464 p. (In Russ.)
- Leskinen M.V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2002, 178 p. (In Russ.)
- Leskinen M.V. *Velikoross/velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow, Indrik Publ., 2016, 680 p. (In Russ.)
- Mininkov N.A. Praktiki istoriopisaniia i zarozhdeniye istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisaniye*. Moscow, 2010, pp. 266–285. (In Russ.)
- Peretyatko A.Yu. Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography. *Bylye Gody*. 2022, 17(3). pp. 1163–1176. (In Russ.)
- Popov M.A. Literaturnaya i nauchnaya deyatelnost' mitropolita Stanislava Bogusha-Sestrentsevicha. *Vesnik Mahilioŭskaya dzharzhaŭnaya ūniversiteta imia A.A. Kulashova*. Seryia a. Humanitarnyya nauki: istoriya, filologiya, filologiya. 2011, no. 1, pp. 42–51. (In Russ.)
- Russkije*, eds. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. Moscow, Nauka Publ., 1999, Narody i kul'tury, 828 p. (In Russ.)
- Ryblov M.A. Donskoje kazachestvo: k voprosu ob «istokakh» i sotsiokul'turnykh transformatsiyakh. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2010, no. 6, pp. 158–174. (In Russ.)
- Sokolovskii S.V. *Kriasheny vo Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., 2004, 248 p. (In Russ.)
- Tokarev S.A. *Etnografiya narodov SSSR*. Moscow, Moscow University Press Publ., 1958, 615 p. (In Russ.)
- Tokarev S.A. *Istoriya russkoi etnografii*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2015, 656 p. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. Sarlatizm: mif – istoriya – natsional'noye samosoznaniye – kul'tura. *Istoriya i kul'tura. Tezisy*. Moscow, Institut slavianovedeniya i balkanistiki AN SSSR Publ., 1991., pp. 66–71. (In Russ.)
- Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*, 2015, vol. 14, iss. 2, pp. 94–107. (In Russ.)

Received on 30.04.2024

Accepted on 19.09.2024

Информация об авторе:

Перетятко Артем Юрьевич
кандидат исторических наук
заведующий научной лабораторией
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2779-2223
E-mail: ArtPeretatto@yandex.ru

Information about the author:

Artyom Yu. Peretyatko
PhD (History), Head of the Science
Laboratory Institute for Sociology
and Regional Studies SFedU
Rostov-on-Don, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2779-2223
E-mail: ArtPeretatto@yandex.ru